

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ
ДРОНГО**

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

ПРОСТУПОК СЫЩИКА



МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Художественное оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 Проступок сыщика / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Абдуллаев. Лучшие романы о сыщике Дронго).

ISBN 978-5-04-201999-9

Компания «Инсеко» участвовала в тендере на поставку оборудования для нефтедобывающей промышленности на сумму сорок семь миллионов долларов и, по всем прогнозам, должна была победить. Однако тендер неожиданно выиграла неизвестная фирма-однодневка: за несколько часов до аукциона ее руководство предложило более выгодные условия. Вице-президент «Инсеко» Вадим Трегубов выяснил, что конкуренты снизили цену всего на две тысячи долларов. Это обстоятельство навело его на мысль, что кто-то из ближайшего окружения слил конкурентам информацию о проставленной в заявке на тендер сумме. Но кто? С этим вопросом бизнесмен обратился к известному сыщику Дронго...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А.,
2022

© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201999-9

Компромисс — возможно, хороший зонтик, но почти всегда плохая крыша.

Джеймс Лоуэлл

Найти причину зла — почти то же, что найти против него лекарство.

Виссарион Белинский

Глава 1

Они сидели в его квартире в ожидании гостя. Дронго, как обычно, пил чай, Эдгар Вейдеманис также, как обычно, — кофе. Именно из-за него в доме всегда были банки с кофе, которыми сам хозяин квартиры почти не пользовался. Несмотря на седьмой час вечера, за окнами было еще светло, хотя в российской столице уже второй год было отменено «летнее время», как и по всей стране.

— Почему он не может обращаться в наш офис на проспекте Мира? — мрачно поинтересовался Вейдеманис. — Это очень опасно. И я тебе много раз об этом говорил. Но ты

опять разрешил нашему очередному гостю появиться у тебя дома.

— Кажется, мы поменялись местами, — усмехнулся Дронго. — Раньше я возражал против такого потока гостей у себя дома, а сейчас ты считаешь, что их должен принимать Леня Кружков. А ты не задумывался над тем, что некоторым нашим гостям просто неудобно появляться в других местах, где их могут узнать или увидеть?

— Поэтому нужно так рисковать? — спросил Эдгар. — Это в девятнадцатом веке Шерлок Холмс принимал гостей у себя на Бейкер-стрит. Раньше сюда приходили хотя бы наши знакомые. А сейчас совсем чужие люди. Все эти времена частных расследований давно закончились. Это очень опасно, когда весь мир знает, в каком доме в Москве ты живешь.

— Мои данные есть в Интернете, — напомнил Дронго. — Там есть даже номера моих телефонов. И мой бакинский адрес там тоже указан. Мне еще повезло, что пока не все знают мой итальянский адрес.

— Кому нужно — знают, — возразил Вейдеманис, — и вообще непонятно, как можно работать в условиях, когда все знают, где ты живешь.

— Это опасно, когда ты работаешь агентом спецслужб, — согласился Дронго, — а когда ты аналитик, который еще и помогает некоторым гостям разбираться в их сложных делах, то нужно иметь квартиру, где можно принимать таких посетителей. И не забывай, что в этой квартире, кроме тебя и наших гостей, практически никогда не живет моя семья. Может, поэтому я не люблю, когда ко мне сюда приезжает Джил, даже на несколько дней. Кстати, клиентам великих сыщиков был известен адрес не только Шерлока Холмса. Они знали, где живет Эркюль Пуаро, где находится дом с орхидеями Ниро Вульфа и в каком месте обитает мисс Марпл и, наконец, где жил комиссар Мегрэ. Поэтому нет ничего плохого, если люди будут знать, где именно живу я. Как ты думаешь, у меня не появилась мания величия? Или уже можно ставить диагноз?

— Пока нет, — улыбнулся Вейдеманис, — но уже где-то рядом. Если будешь продолжать в том же духе, то скоро лопнешь от собственной значимости. Но на памятник все равно не рассчитывай. Хотя Мегрэ и Шерлоку Холмсу его уже поставили.

— Жалко, — сказал, сохраняя серьезность, Дронго, — что поделаешь, другое время. Сейчас любого человека можно легко вычислить по мобильным телефонам, кредитным карточкам, его компьютерным запросам и интернетовским связям. Сыщики не нужны, за окнами век операторов.

В дверь позвонили. Вейдеманис улыбнулся.

— Нужны, — убежденно произнес он. — Сейчас наш новый гость тебе это докажет.

Оба напарника были высокого роста. Примерно одного возраста. Только у Эдгара коричневые волосы начали уже седеть, а у его компаньона черные волосы стремительно выпадали. Обоих отличали внимательные, глубокие взгляды. У Вейдеманиса были рысьи глаза, у Дронго — глаза тигра. Только черного цвета. Первый был худощав, подтянут, второй — массивен, широкоплеч.

Они знали о госте, который должен был появиться. Он уже несколько дней просил о встрече, терпеливо ожидая возвращения Дронго в Москву. Гость был довольно известным бизнесменом и вице-президентом крупной корпорации, занимавшейся поставками технологического оборудования в различные

компании. Вадим Олегович Трегубов уже несколько дней просил о срочной встрече с Дронго. Впервые он позвонил еще две недели назад, когда самого хозяина квартиры не было в Москве. Затем после недолгого перерыва начал снова настойчиво звонить, прося о встрече с экспертом. Трегубов пояснил, что у него важное дело и ему требуется срочная помощь. И сегодня именно он появился в московской квартире Дронго, чтобы наконец изложить свое дело. Он вошел в квартиру и внимательно оглядел обоих мужчин, встретивших его на пороге. Чуть выше среднего роста, зачесанные назад волосы, узкое лицо, глубоко посаженные глаза, острый нос. Им было известно, что гостю исполнилось пятьдесят два года, он женат во второй раз и у него трое детей.

— Меня обычно называют Дронго, — представился хозяин квартиры, — а это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис. Мы можем пройти в гостиную.

Трегубов энергично и крепко пожал руки обоим мужчинам и прошел в комнату. Было заметно, что его смутило наличие сразу двух собеседников. В гостиной он устроился в кресле, которое обычно предназначалось для го-

стей. Дронго уселся напротив. Вейдеманис разместился на диване.

— Хочу сразу вас предупредить, что во время моих расследований мне обычно помогает мой друг и напарник господин Вейдеманис, — пояснил Дронго, — которого я знаю вот уже полтора десятка лет и полностью ему доверяю. Поэтому вы можете говорить в его присутствии абсолютно спокойно.

— Я понимаю, — кивнул Трегубов, — хотя именно мое «доверие», похоже, и стало основной причиной моего появления в вашем доме, господин эксперт.

— Давайте с самого начала, — предложил Дронго, — вы хотели со мной увидеться по какому-то делу. Скажите, какая у вас проблема?

— Очень большая, — нахмурился Трегубов, — и очень неприятная. Но вы правы, начну с самого начала. Вам, очевидно, уже известно, что я первый вице-президент компании «Инсеко». И мое появление в вашем доме связано с моей служебной деятельностью, хотя и не только с ней. К большому сожалению, — добавил он после секундной паузы, — скажу откровенно: я колебался, пре-

жде чем обратиться к вам. У меня слишком необычное дело.

— Вы еще ничего не сказали, — заметил Дронго. — Итак, почему вы колебались и о чем именно хотели со мной поговорить?

— Дело в том, что наша компания «Инсеко» принимала участие в большом тендере, связанном с поставками оборудования «Газнефтепрому» на сумму более чем в пятьдесят миллионов долларов, — начал Трегубов, — вы наверняка об этом уже слышали. В последние две недели на эту тему много пишут. Впрочем, я опять отвлекся. Тендер должна была выиграть наша компания. Мы предложили оптимальную цену в сорок семь миллионов долларов. Почти идеальная цена, если не сказать — абсолютно идеальная. Форма поставок, цена, качество, сроки, в общем, мы учли практически все факторы. Наши юристы постарались. Заявка была подготовлена, и мы были уверены, что сумеем победить. Но неожиданно выяснилось, что появилась небольшая компания «Орфей», которая решила принять участие в конкурсе. Такое забавное, с музыкальным уклоном название компании настроило нас на благодушный лад. Тем более компания была создана за несколько месяцев

до тендера и с уставным фондом в десять тысяч рублей. То есть чуть больше трехсот долларов.

— Я знаю соотношение доллара к рублю, — сказал Дронго, — продолжайте свой рассказ.

— Конечно. Просто чтобы вы лучше поняли. И мы серьезно не отнеслись к этим «конкурентам». Но во время подведения итогов выяснилось, что они подали заявку на сорок семь миллионов сто сорок семь тысяч долларов. Для сравнения — наша заявка была подана на сумму сорок семь миллионов сто сорок девять тысяч долларов. Разница слишком ничтожна, чтобы поверить в подобное невероятное совпадение.

— Значит, ваши службы допустили утечку коммерческой информации, которой воспользовались ваши конкуренты? — спросил Дронго.

— Если бы, — вздохнул Трегубов, — в том-то все и дело. Окончательная цена была принята нами буквально за несколько минут до того, как отправить нашу заявку. В кабинете были только мы вдвоем с президентом компании. И в последний момент мы решили, что будет правильно, если мы изменим цену с сорока семи миллионов четырехсот

тысяч долларов до сорока семи миллионов ста сорока восьми тысяч. Двести пятьдесят две тысячи долларов — эту сумму, выплаченную нашим юристам за их работу по расчетам предварительной заявки, мы решили исключить из общей суммы, так как эти деньги мы уже выплатили из собственных ресурсов. Но об этом знали только мы двое. Заявка была отправлена днем, до двенадцати. Это был предпоследний день приема заявок. И через два часа мы поехали в аэропорт. Президент нашей компании господин Рахимов улетал в Нью-Йорк на плановую операцию по шунтированию сосудов сердца. Ему уже далеко за шестьдесят, и проблемы появились давно. Он уже перенес инфаркт шесть лет назад. У него долго болела супруга. Онкологическое заболевание в последней стадии, которое невозможно было вылечить, несмотря на все усилия врачей. И две операции. Несчастная таяла буквально на глазах. Сабит Рахимович тяжело переживал все эти потрясения, а после смерти супруги получил еще и обширный инфаркт.

И конечно, все эти волнения и переживания сказались не лучшим образом. Рахимов дважды был в Америке, где ему посоветовали

немедленно сделать шунтирование сосудов сердца. Он должен был лечь на операцию еще в начале этого года. Но ждал окончания срока подачи заявки на этот тендер. Я проводил его на самолет и вернулся к себе на дачу. В зале для официальных делегаций аэропорта Шереметьево он никому не звонил и ни с кем не разговаривал, кроме меня. А я вернулся к себе на дачу, когда туда приехал другой наш вице-президент, Лазарь Маркович Каплан, с которым мы говорили об этом тендере. И я назвал ему конкретную сумму. Последнюю сумму, которая была включена в заявку. Вы понимаете, что подозревать Рахимова или Каплана глупо, так как мы все трое потеряли большие деньги, но я рассказываю вам все по порядку, чтобы вы меня поняли.

Лазарь Маркович уехал от меня в восьмом часу вечера. Больше я ни с кем не разговаривал и никому ничего не рассказывал. На следующий день я поехал на работу примерно к десяти утра и весь день пробыл там. Но самое интересное, что в двенадцать часов того дня истек окончательный срок подачи заявок — так вот, мне позвонили и сообщили, что этот непонятный «Орфей» подал свою заявку за полчаса до полудня. Честно говоря,

меня это даже немного позабавило. Откуда у компании с уставным капиталом в триста с небольшим долларов может появиться пятьдесят миллионов долларов? А на следующий день мы узнали, что проиграли тендер.

Трегубов вздохнул. Поправил галстук, блеснула запонка на манжете его рубашки. Он был одет в серый костюм, голубую сорочку с темно-синим галстуком в полоску.

— Потом мы, конечно, выяснили, с кем именно был связан «Орфей», — мрачно продолжил Вадим Олегович, — но дело уже не в этом. Когда мы узнали окончательную сумму, то стало ясно, что произошла утечка информации. Ведь двести пятьдесят тысяч мы убрали за минуту до того, как запечатали конверт, и об этом никто не должен был знать. Однако в «Орфее» все узнали и оформили свою заявку соответственно.

Дронго понимающе кивнул.

— Вы считаете, что они сумели каким-то образом узнать о вашей цене и поэтому перебили ее своим предложением? — уточнил он.

— Безусловно. Я в этом даже не сомневаюсь. Я говорил с Сабитом Рахмановичем — ему нельзя волноваться в его положении, — и он тоже переживает. Причем уверен, что ни-

кому и нигде не мог сказать о нашей окончательной цене. Лазарь Маркович тоже уверен, что никому не рассказывал. Документы готовила в приемной директора Полина Прокофьевна Рыбалко. Ей тоже за шестьдесят. Старая дева, уже больше тридцати лет работает с Рахимовым. Ей можно доверять абсолютно. Она скорее сгорит на костре, чем выдаст какую-нибудь информацию. Есть такие женщины, для которых работа — смысл их жизни.

— В таком случае, кто еще мог узнать о стоимости вашей заявки? — спросил Дронго. — Вы могли уже вычислить круг подозреваемых?

— Мог, — согласился Трегубов, — и первое, что я сделал, это решил проверить — кто именно мог узнать об окончательной цене. Конверт запечатал лично я, и его не вскрывали в заявочной комиссии, в этом нет никаких сомнений. Остаются четверо. Рахимов, который сейчас находится в американской больнице, Полина Прокофьевна, в которой я абсолютно уверен, и мы с Лазарем Марковичем, подозревать которых просто глупо. Ибо тогда получится, что мы мазохисты или дураки.

— Все? — спросил Дронго.

— Нет, не все, — ответил Трегубов, — дело в том, что с Лазарем Марковичем мы разговаривали у меня на даче, когда там не было никого из посторонних. Именно в этот вечер моя супруга отпустила нашу кухарку, которая обычно помогала ей на даче. И в доме, кроме моей жены, были только мои близкие. Сын, дочь и невестка.

— У вас трое детей, — вспомнил Дронго.

— Старшая дочь Елена уже несколько лет живет в Германии, — пояснил Вадим Олегович, — у нее супруг немец. Она моя дочь от первого брака.

— Значит, число подозреваемых выросло? — спросил Дронго. — Или они тоже вне подозрений, как и остальные?

— Вы спрашиваете об этом у меня? — глухим голосом произнес Трегубов. — Я думаю, что теперь вы понимаете, насколько тяжело мне было решиться прийти к вам. Если первая четверка практически не вызывает у меня подозрений, то следующая четверка — это мои самые близкие и родные люди. Супруга, сын, дочь, невестка. Что делает мое положение еще более идиотским и странным. — Он тяжело вздохнул, снова поправил узел галстука и неожиданно спросил: — Что бы вы

сделали на моем месте? Начали бы допрашивать своих родных и близких? Устроили бы им проверку? Что мне нужно делать? Подозревать свою жену или своего сына?

— В любом случае нужно было успокоиться и подумать, каким образом ваши конкуренты могли узнать о заявленной вами цене, — сказал Дронго.

— Вычислить возможного предателя. Даже если этот человек находится среди моих самых близких людей. Я поэтому и пришел к вам, чтобы вы мне помогли. Их восемь человек, всех я назвал. Кроме них, никто не мог знать о предлагаемой нами цене. И знаете, что самое смешное? Единственный человек, которого я могу подозревать, — это я сам. Если выяснится, что эту цену назвал кто-то из моих знакомых и близких, это будет для меня трагедия.

— И вы хотите, чтобы я нашел вам этого человека?

— Конечно. Но у меня будут два непременных условия. Первое — об этом никто не должен знать. Вы понимаете, насколько тяжело мне было появляться у вас с такой необычной просьбой. Никто и никогда об этом не должен знать. И второе условие — даже

после завершения вашего расследования вы обязуетесь не разглашать информацию об этом деле без моего согласия. Я готов выплатить любой гонорар, но при обязательном соблюдении этих двух пунктов нашего договора.

— В общем, одно главное правило, — подвел итог Дронго, — чтобы никто не узнал о нашем расследовании и о том, почему вы обратились к нам. Но в этом нет ничего необычного. Моя профессия предполагает анонимность расследования. Хотя не скрою, что мне понадобится и ваша информация, гораздо более полная, чем все, о чем вы до сих пор рассказывали. И я буду задавать вам не всегда приятные вопросы, господин Трегубов. Вы должны это четко себе представлять. Это тоже мое условие. Только абсолютное доверие и полная искренность помогут мне вычислить возможный канал утечки информации и помочь вам найти источники опасности. Вы должны меня понимать.

— Я понимаю, — кивнул гость, — можете не сомневаться. Я готов отвечать на все ваши вопросы. Потому что мне нужно разобраться, кто и каким образом передал информацию в этот «Орфей».

— А вам не кажется, что можно пойти и с другого конца? — спросил Дронго.

— В каком смысле? — не понял Трегубов.

— Может, попытаться выйти на возможного осведомителя через «Орфей»? Все гораздо проще и удобнее. Или вы даже не пытались?

Вадим Олегович невесело усмехнулся.

— Пытались, — понял Дронго, — вы сказали, что прошло уже две недели. Значит, вы пытались выяснить, кто именно мог сдать вашу информацию, но ничего не смогли узнать. Все правильно?

— Да, — вздохнул Трегубов, — все оказалось гораздо проще...

— И компания «Орфей» была создана кем-то из ваших основных поставщиков? — закончил за гостя Дронго.

— Откуда вы узнали? — дернулся Вадим Олегович. — Об этом пока никому не известно.

— Догадался. Раз вы все-таки пришли ко мне. Итак...

— Да. «Орфей» был создан их первым вице-президентом Скорынкиным Матвеем Михайловичем. Поэтому он так быстро создал компанию и, узнав нашу цену, перебил ее, предложил оформить свои услуги на две ты-